

**ЛИТУРГИЧЕСКИЙ САМИЗДАТ XX ВЕКА:
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ¹**

Słowa kluczowe: język cerkiewnosłowiański, Rosyjska Cerkiew Prawosławna, liturgia

I.

Перед исследователем церковнославянского языка современного богослужения встают серьезные источниковедческие проблемы. Это связано с тем, что церковнославянский язык – это язык корпуса текстов. Характер этого корпуса принципиально отличается от, например, старославянского корпуса. Если круг источников, на основе которых мы описываем старославянский язык, не пополняется (за исключением маловероятных случаев обнаружения новых источников), то церковнославянский корпус достаточно активно пополняется новыми текстами. Поэтому при описании грамматики или лексики языка современного богослужения исследователю приходится тем или иным способом определять границы того корпуса, из которого он черпает материал.

Для дореволюционной ситуации проблема выделения круга источников имела простое формальное решение. Как известно, правом издавать новые церковнославянские тексты обладали три синодальные типографии. В этих типографиях имелся штат справщиков, следивших за языковой правильностью выпускаемых изданий. В результате их работы возникал некоторый стандарт, который естественно описывать как церковнославянскую норму для соответствующего периода². Однако современная ситуация несколько иная. Она связана с тем, что в XX веке в богослужебную практику вошло много новых чинопоследований, которые практически не были подвергнуты языковой унификации. Связано это с факторами экстралингвистическими: церковное книгоиздание на несколько десятилетий прекратилось, институт справщиков исчез, а новые тексты распространялись в рукописном (ма-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 10-04-00274.

² А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, *История церковнославянского языка в России (конец XIX-XX в.)*, Москва 2001, с. 19-24.

шинописном) виде. Именно об этом «самиздатовском» периоде функционирования литургических текстов здесь пойдет речь³.

II.

Рукописные «тетрадошки» с богослужебными последованиями существовали и до революции. Это связано с тем, что в XVII в. из служебных Миней были исключены десятки служб чтимым русским святым⁴. При этом их почитание сохранялось. Службы, акафисты и молитвы этим святым хранились в храмах в виде рукописей. Часть этих текстов получала одобрение высшей церковной власти⁵ и выходила в виде отдельных брошюр. В XIX в. церковные власти вполне спокойно относились к тому, что в ряде храмов и монастырей используются некоторые богослужебные последования, не получившие санкции высшей церковной власти. Когда в Синод направлялись прошения напечатать ту или иную службу, то часто ссылались на то, что эта служба совершается уже не первый год. И это было дополнительным аргументом в пользу утверждения новой службы. Так, например, в 1874 г. игуменья Владимирского Успенского женского монастыря, ходатайствуя перед Синодом о напечатании службы мученику Авраамии Болгарскому, указывала на то, что рукописный текст этой службы уже давно вошел в богослужебный обиход Успенского монастыря⁶. В результате подобных прошений какие-то службы издавались отдельными брошюрами (так произошло со службой мученику Авраамии Болгарскому), какие-то включались в стандартные Минеи.

После революции ситуация кардинально поменялась. Церковная власть теперь не могла осуществлять контроль за богослужебными текстами, имевшими хождение на территории СССР. Машинописное и рукописное копирование стало основным способом распространения всех новых богослужебных текстов. Именно новых, поскольку книги, входящие в основной богослужебный круг, имели

³ Вообще-то употребление термина «самиздат» здесь не совсем корректно. Говоря о самиздате обычно подразумевают не вообще тексты, тиражируемые при помощи подручных средств и вопреки воле государства, а тексты, которые в середине 50-х годов стали распространяться среди вполне «советских» жителей столиц. Неофициальная литература, имевшая хождение в других социальных слоях, здесь не распространялась. Распространявшиеся в списках литургические тексты в рамках истории неофициальной культуры не исследуются. Хотя, на мой взгляд, они представляют интерес не только для истории церковнославянского языка и поэтики богослужебных текстов, но и для характеристики культурной жизни соответствующих эпох.

⁴ См. Прот. К. Никольский, *Материалы для истории исправления богослужебных книг (Об исправлении устава церковного в 1682 г. и месячных миней в 1689-1691 гг.)*, СПб 1896; И. Д. Мансветов, *Как правилась Типик и Минеи: очерк из истории книжной sprawy в XVII столетии*, Москва 1884; Прот. Г. Крылов, *Книжная справа XVII века Богослужебные минеи*, Москва 2009.

⁵ Перечень служб, которые в начале XX в. существовали в виде отдельных брошюр, см. Н. Ф. Чуриловский, *Новая богослужебная книга: Минея дополнительная, „Прибавления к Церковным ведомостям“ 1909, № 51-52, с. 2442.*

⁶ РНБ, ф. 574, оп. 2, № 43, л. 14.

значительный объем и, по всей видимости, таким образом не тиражировались. К тому же дефицит основных богослужебных книг восполнялся за счет книг из закрывающихся храмов.

Исчезновение контроля за распространяемыми среди православных богослужебными текстами произошло одновременно с жестким государственным давлением на церковь. После реквизиции церковных типографий богослужебные тексты, получившие санкцию высшей церковной власти, могли распространяться лишь в частном порядке. Церковная санкция перестала быть условием издания текста типографским способом. В 1918-1919 г. церковным властям удалось кое-что напечатать в типографиях. (Служба всем святым в Земле Российской просиявшим⁷, Молебное пение о спасении Державы Российской и утолении в ней раздоров и нестроений⁸, Краткий акафист Пресвятей Богородице «Державной», исправленный (как было сказано в выходных данных) Патриархом Тихоном⁹, Молитва перед Державной иконой¹⁰). Существовала также одобренная Патриархом Тихоном служба Иконе Богоматери Державной¹¹. Был ли этот текст издан типографским способом, или же он существовал лишь в виде машинописных копий, неизвестно.

Машинописные и рукописные копии стали нормальным способом распространения текстов, в том числе и тех, которые получали одобрение церковной власти. Причем известны обиходные рукописи, содержащие не только текст службы или акафиста, но и письменное благословение. У меня имеется список Акафиста священномученику Власию, представляющий собой школьную тетрадку в клетку, в конце которой находится рукописная резолюция епископа Макария (Опоцкого) о допущении этого акафиста к богослужебному использованию:

Акафист вполне удобоприменим при богослужении.

Еп. Макарий (Опоцкий)

1930 г. Сентября 3 дня

Перед отъездом из Великого Новгорода мне, аки уроженцу-земляку, некогда от дней отроческих прислуживающему «кадиловозжигателем» в алтаре церкви святого великомученика Власия, принесли сей акафист для просмотра и одобрения. С духовным утешением прочел сии акафистные благословения, боголюбивым

⁷ Издана гражданской печатью без акцентуации в 1918 году. Этот вариант текста был переиздан в 1930 Парижским братством преподобного Сергия Радонежского (Типография Ставропигийного института в городе Львове).

⁸ Москва, Синодальная типография, 1917. Напечатана церковной кириллицей.

⁹ *Акафист Пресвятей Богородице явования ради чудотворных ея иконы Державныя*, Джорданвилль 1984, с. 40.

¹⁰ *Миня декабрь*, Часть 1, Москва 1982, с. 299-313.

¹¹ *Миня июль*, Часть 1, Москва 1988, с. 196-225.

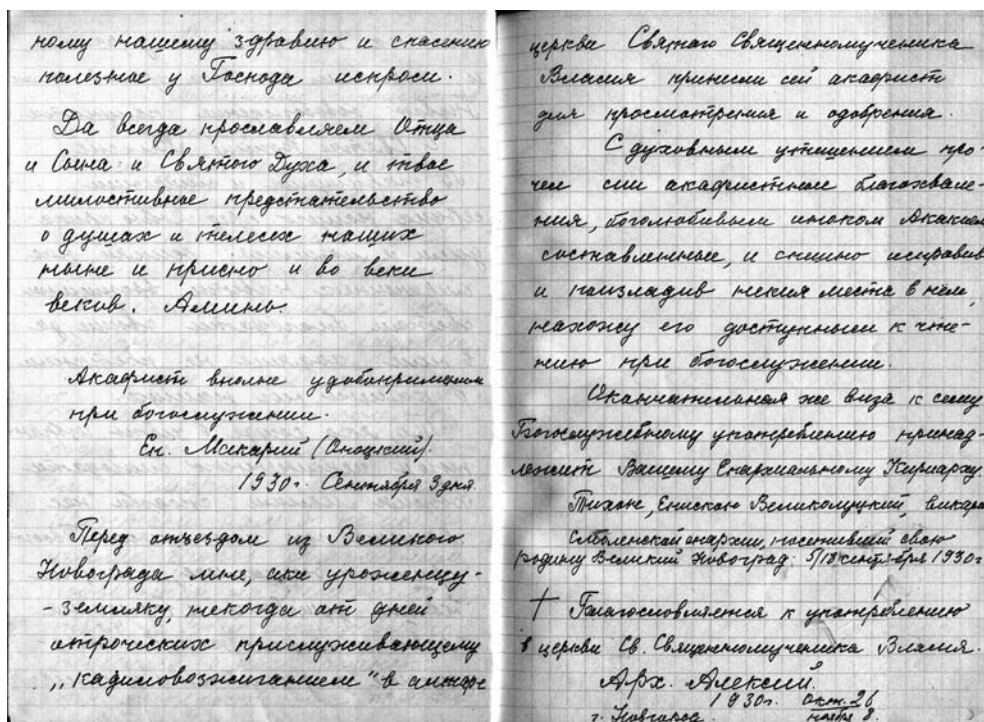
иноком Акакием составленные, и спешно исправив и наизладив (sic!) некоторые места в нем, нахожу его доступным к чтению при богослужении. Окончательная же виза к сему богослужебному употреблению принадлежит вашему епархиальному кириарху.

Тихон <(Рождественский)>, епископ Великолукский, викарий Смоленской епархии, посетивший свою родину Великий Новгород 5/18 сентября 1930 г.

Благословляется к употреблению в церкви св. священномученика Власия.

Арх. Алексей <(Симанский)>. Н.Новгород. 1930 г. окт. 26 / ноября 8

Повторю еще раз: процитированная выше приписка содержится в случайном списке, сделанном в школьной тетрадке в клетку¹².

Рукописная копия Акафиста св. Власию с информацией об утверждении текста

III.

Интерес к богослужебным текстам советского времени связан с тем, что их авторы традиционным языком гимнографии говорят о реалиях нового времени.

¹² Эта тетрадка была передана мне игуменом Афанасием (Селичевым).

Здесь мы находим первый опыт литургического осмысления революционных событий и подвига новомучеников. Так, в Службу всем святым в земле Российской просиявшим, было включено несколько стихир, посвященных исповедникам XX века:

О новых страстотерпцев! Подвиг противу злобы убо претерпешиа, веру Христову, яко щит, пред учении мира сего держаще, и нам образ терпения и злострадания достойно являюще.

О твердости и мужества полка мученик Христовых, за Христа убиенных! Ти бо Церковь Православную украсишиа и в стране своей крови своя, яко семя веры, даши, и купно со всеми святыми достойно да почтутся.

Эти тексты были составлены в 1918 г., когда еще никто не мог представить себе масштаб будущих гонений. А «Молитва перед Державной иконой» характеризовала революционную эпоху как «дни срама нашего и позора», «дни разорения и поругания святынь наших от людей безумных»¹³. Я не знаю, насколько широким было бытование этих текстов. Надежных данных, к сожалению, нет.

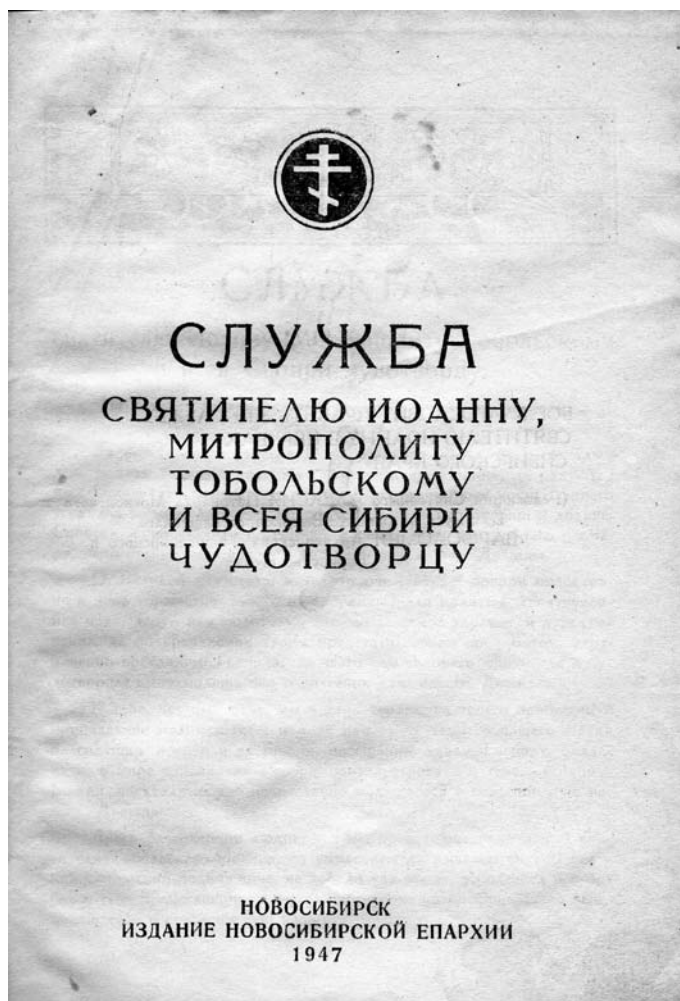
Советское время, время гонений, несомненно, было временем акафистов, ведь акафист можно читать и при отсутствии священника. Он имеет небольшой объем, поэтому его легко копировать, к тому же существенная часть акафистов написана на русифицированном варианте церковнославянского языка и их легко воспринимать на слух. Если в дореволюционную эпоху появление новых акафистов несколько сдерживала цензура, то в XX в. новые акафисты создаются и распространяются в машинописных копиях очень активно.

После того, как Московская патриархия получила возможность (пусть и ограниченную) издавать книги, распространявшиеся в машинописных копиях тексты получили шанс быть напечатанными. Предпринимались попытки издавать богослужебные тексты в местных типографиях. Мне известна лишь одна такая книга – Служба святителю Иоанну, митрополиту Тобольскому, напечатанная в Новосибирске в 1947 году.

В 1948 г. под давлением властей Синод постановил «не печатать на местах воззваний, акафистов и других изданий без предварительного представления Священному Синоду»¹⁴. Из указа Синода вроде бы следует, что где-то предпринимались попытки напечатать какие-то акафисты. Но кроме службы Иоанну Тобольскому я не знаю таких изданий.

¹³ Царица небесная – Державная Правительница..., с. 459.

¹⁴ „Журналы заседаний Синода при Патриархе (28.03 – 18.11.1948)“, ГАРФ, Ф. 6991, Оп. 2, Д. 66 а, Л. 45, Ср. А. Г. Кравецкий, *Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом)*, Научный редактор прот. Н. Балашов, Москва 2012, с. 561.

Титульный лист Новосибирского издания Службы святителю Иоанну Тобольскому

IV.

Издательство Московской Патриархии было единственным церковным издательством в СССР. Это издательство фактически присваивало себе функции дореволюционных синодальных типографий. Его издания носили характер официальных изданий РПЦ. Именно это издательство имело возможность включить (или не включить) тот или иной новый текст в общецерковную практику. На основе выпущенных Издательством Московской Патриархии книг можно делать выводы о наличии или же отсутствии рецепции тех неофициальных публикаций (типографских и самиздатовских) о которых мы говорили выше.

Первым богослужебным текстом, изданным Московской патриархией, стала Служба всем святым в земли Российской просиявшим (1946 г.). Выбор кажется достаточно неожиданным, если не экстравагантным. Казалось бы, трудно найти текст, менее удачный с точки зрения прохождения цензуры. Ведь эта служба впервые была издана Собором 1917-1918 гг., который власти рассматривали как контрреволюционный; один из ее авторов (епископ Афанасий Сахаров) находился в лагере, а в тексте были совершенно невозможные в подцензурном издании моления о «новых страсто-терпцах». Да и для верующих куда более востребованными были бы издания служб на великие праздники.

Выбор Службы всем святым в земли Российской просиявшим объясняется, по всей вероятности, тем что Патриархия решила здесь сыграть на актуальном для послевоенного советского официоза интересе к национальной традиции. Почитание национальных святых вписывалось сюда очень хорошо. Казалось, что на этой патриотической ноте будет легче возродить издание богослужебных текстов¹⁵. При подготовке Службы естественно были исключены все упоминания о гонениях XX века. Это издание можно рассматривать как первый случай рецепции подцензурной церковной культурой текстов, прежде имевших хождение в самиздате.

В 1978-1989 г. был предпринят масштабный проект включения в богослужебную практику РПЦ огромного массива новых текстов. Речь идет о новом издании служебных Миней, куда вошли сотни новых текстов.

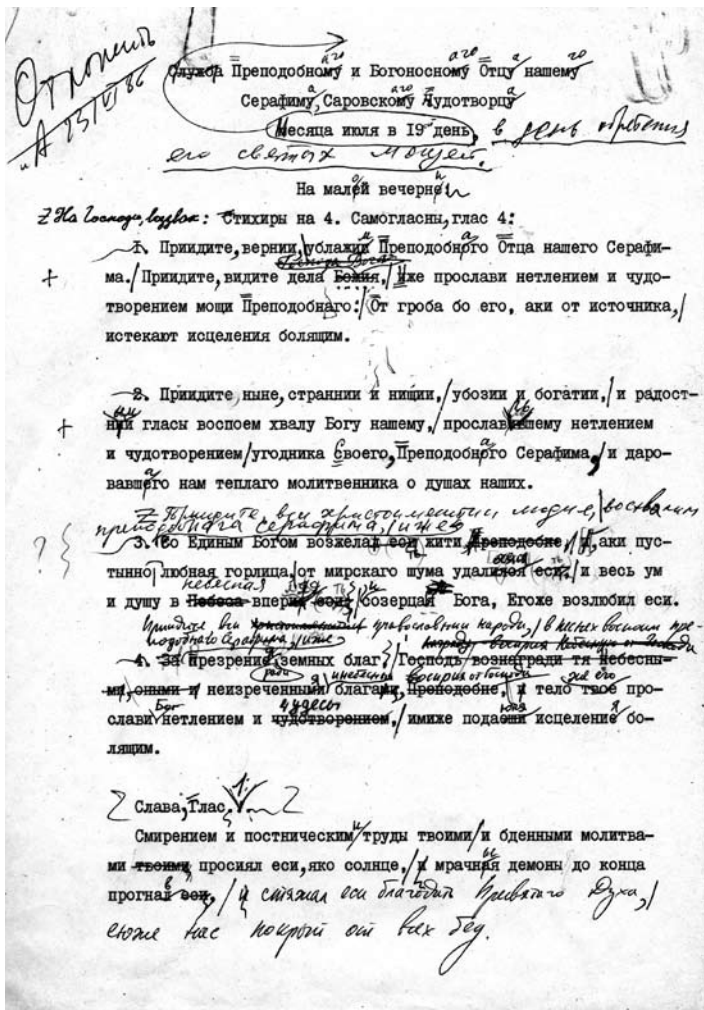
При подготовке этого издания использовались не только многочисленные до-революционные издания отдельных служб, но и рукописи, полученные составителями из монастырей и храмов. Десятки служб были обнаружены в рукописях, хранящихся в российских и зарубежных архивах. Все эти тексты редактировались, причем редактура носила не только языковой, но и смысловой, а иногда и цензурный характер. Приведу лишь один пример, касающийся уже упомянутой выше Молитвы Державной иконе Богоматери.

Редакция 1917 года*	Редакция 1984 года**
<p>Благодарим Тя за неизреченное милосердие Твое, яко благоволила еси явити нам, грешным, сию святую чудотворную икону Твою во дни сии лукавые и лютые, яко вихрь, яко буря ветренная нашедшие на страну нашу, дни срама нашего и позора, во дни разорения и поругания святынь наших от людей безумных, иже не точию сердце, но и языком и устнами дерзостно глаголют: «несть Бог!» и во всех делах своих сие безбожие показывают. Благодарим Тя, яко призрела еси с высоты святыя Своя на скорбь и горе чад православных, и, яко солнце светлое, увеселяеши ныне, изнемогшие от печали, очеса наша пресладостным зрением державнаго образа Твоего!</p>	<p>Благодарим Тя, яко призрела еси с высоты святыя Своя на чад православных, и, яко солнце светлое, увеселяеши ныне изнемогшия от печали очеса наша пресладостным зрением державнаго образа Твоего!</p>

¹⁵ См. А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, *История церковнославянского языка в России...*, с. 231-232.

* Был напечатан в 1917 г. в виде отдельной листовки. Приводится по изданию: *Царица небесная – Державная Правительница...*, с. 459.

** *Минея Март*, Часть 1, Москва 1984, с. 41.

Страница с текстом Службы на перенесение мощей Серафима Саровского с редакторской правкой составителей служебных Миней 1978-1989 гг.

Несмотря на подобные купюры, факт публикации этой службы в СССР кажется совершенно фантастическим. Редакция даже снабдила эту службу исторической справкой, в которой говорилось, что икона Богоматери Державной была обретаена 2 марта 1917 года. По всей видимости, цензоры не поняли, что это дата отречения Николая II от престола. Любопытно, что одновременно с мартовской Минеей, куда входила служба Державной иконе, Русская Православная Церковь за границей выпустила акафист этой иконе. В послесловии к этому изданию говорилось: «Ныне служба с акафистом Державной иконе Бо-

жией Матери совершается в Советской России только в катакомбной Церкви, так как официальная советская церковь в угоду богоборческой власти запрещает эти моления»¹⁶. Авторы этого предисловия не могли предположить, что Служба Державной иконе уже прошла цензуру и печатается в СССР.

¹⁶ Акафист Пресвятей Богородице явения ради чудотворныя ея иконы Державныя, Джорданвилль 1984, с. 40.

V.

Новое издание служебных Миней стало гигантской антологией православного (в значительной части, русского) литургического творчества. Именно в этом издании в Службу всем святым в Земле Российской просиявшим впервые вошла знаменитая стихира «Новый доме Евфрафов, / уделе избранный, / Русь Святая, / храни веру православную, / в нейже тебе утверждение». Ни в одном из предыдущих версий Службы этой стихире не было. Я не могу с уверенностью сказать, является ли автором этой стихире святитель Афанасий (Сахаров), или же она была составлена кем-то другим. Да это не столь уж и важно. Для нас существенно не авторство, а то, что этот текст идеально соответствовал настроениям 70-х – 80-х годов XX века. Открытие другой, не советской России (деревенской, крестьянской, традиционной) – актуальная тема советской культуры 60-80-х годов. И открытию «литургического самиздата» предшествовала мода на путешествия по русскому Северу, проза писателей деревенщиков и публикация серии путеводителей по российской провинции «Дороги к прекрасному» (1967-1995). Связь между появлением компактных путеводителей по русской провинции и включением в круг богослужебных книг многих десятков служб русским святым кажется очевидной. Например, включение в Минею служб Кириллу Челмогорскому¹⁷ и Никодиму Кожезерскому¹⁸ происходило вскоре после выхода книг, посвященных Каргопольскому краю, куда входило описание Челма-Горы, где некогда подвизался св. Кирилл¹⁹, и лежащего в руинах Кожезерского Богоявленского монастыря²⁰. Подобных параллелей можно привести очень много.

Введение в богослужебную практику огромного количества новых служб должно было бы стать событием не только церковной, но и культурной жизни. Однако светская культура этого издания не заметила. Последний том Миней вышел в 1989 году. Это было время, когда массовыми тиражами стали печататься недоступные прежде литературные, исторические и философские произведения. На этом фоне включение в богослужебный круг многих десятков новых текстов прошел совершенно незамеченным.

VI.

Вхождение новых текстов в круг православного богослужения ставит перед исследователем литургического языка массу проблем. Если издания богослужебных

¹⁷ *Минея декабрь*, Часть 1, Москва 1982, с. 299-313.

¹⁸ *Минея июль*, Часть 1, Москва 1988, с. 196-225.

¹⁹ Г. П. Гунн, *Каргопольский озерный край*, Москва 1984, с. 50-54.

²⁰ Там же, с. 157-176.

текстов, над которыми трудились справщики синодальных типографий, в языковом отношении более или менее гомогенны, то тексты, пришедшие из самиздата неоднородны в языковом отношении. Вопрос о том, в какой степени эти тексты следует использовать при описании современного церковнославянского языка, то есть, при составлении грамматик и словарей, остается открытым.

SUMMARY

Aleksandr Kraveckij, Moscow

Liturgic self-printed issues of the XXth century: language peculiarities and the perception problems

Keywords: Church Slavonic Language, Russian Orthodox Church, Liturgics

In the XIX-XX centuries there was rather a strong tradition of liturgics texts existed as manuscripts. In the XX century, after the enforced cease of the Church book-printing, such a means of texts spread became the main one. The manuscript tradition is less codified so, after Moscow Patriarchy renewed its publishing activity, this not standardized manuscript norm influenced the books printed. This article is devoted to the problems of the influence provided by the manuscript norm on the Church Slavonic printed books of the XX century.